УДК 929

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-117-126

ПЕРВЫЙ ПОЛЕВОЙ СЕЗОН, ИЛИ КАК Я СТАЛ АРХЕОЛОГОМ

© А.В. Харинский

В 80-е гг. XX в. В.В. Свинин являлся руководителем археологических исследований в Монголии и на Байкале, проводившихся Иркутским государственным университетом. Организованная им группа аспирантов и студентов принимала участие в раскопках многих археологических объектов. Деятельность студенческой археологической экспедиции под руководством В.В. Свинина, протекавшая в 1984 г., описывается одним из участников этих событий.

Ключевые слова: В.В. Свинин, археология, озеро Байкал, Куркутский залив, шатровый комплекс, раскопки, рыбалка.

FIRST FIELD SEASON OR HOW I BECAME ARCHAEOLOGIST

© A.V. Kharinsky

In 1980s V.V. Svinin was the leader of archaeological researches in Mongolia and Baikal Lake conducted by Irkutsk State University. The group of students and post-graduate students organized by him participated in excavations of many sites. The activities of student archeological expedition under the leadership of V.V. Svinun occurring in 1984, is described by one of the participants of that events.

Keywords: V.V. Svinin, archaeology, Lake Baikal, Kurkutsky bay, marquee-shaped complex, excavations, fishering

Очень многое в жизни каждого из нас зависит от случайного стечения обстоятельств, которые порой предопределяют нашу дальнейшую судьбу. Так произошло и со мной. Весной 1984 г., будучи студентом первого курса исторического факультета, я всерьез задумался о своей дальнейшей специализации. Еще в школьные годы я с интересом читал книги о Востоке, не пропускал ни одного выпуска «Клуба кинопутешествий», и поэтому при поступлении в университет мечтал посвятить свою будущую жизнь изучению стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Именно с этим предложением я обратился к тогда уже известному исследователю Востока, преподавателю кафедры всеобщей истории В.И. Дятлову. Ответ Виктора Иннокентьевича меня несколько обескуражил, хотя позже я понял, что он был совершенно прав. «Если Вы хотите заниматься изучением Востока, то должны знать язык. Как у Вас с иностранными языками?» - спросил

он. С языками у меня было плохо, поэтому я больше не обращался с просьбой о научном руководстве к Виктору Иннокентьевичу.

Но моя неопределенность с выбором поля деятельности продолжалась недолго. Весной к нам - первокурсникам, время от времени стали заходить ребята со старших курсов и предлагать поучаствовать в одной из экспедиций, проводившихся в то время под руководством преподавателей исторического факультета. Наиболее активны были археологи. Студентка 2-го курса Татьяна Владимирова (Пержакова) агитировала поехать в экспедицию М.П. Аксенова на Верхнюю Лену, студентка 3-го курса Валентина Яковлева (Павлуцкая) зазывала отправиться на Малое море с О.И. Горюновой, а ее однокурсница Елена Дорофеева советовала поехать В Монголию В.В. Свининым. Наверное, на мой выбор повлияли два фактора - внешность девушки и мечта о восточных странах. Не раздумывая, я выбрал Монголию.

Вскоре произошла встреча и с руководителем нашей монгольской ознакомительной практики Владимиром Вячеславовичем Свининым. Его обаяние и открытость развеяли все сомнения, и я стал готовиться к поездке. Однако выяснилось, что группа студентов, которая едет в Монголию, должна принять участие в раскопках на Байкале. Это известие нас еще больше обрадовало, потому что открывалась возможность увидеть Великое Море и принять участие в исследованиях средневековых памятников.

Сдав летнюю сессию, я отправился на несколько дней домой - в поселок Лесогорск Чунского района, но предвкушение скорой поездки в неизведанные для меня места не давало покоя. Нам, первокурсникам, были в то время неведомы все тонкости организации археологических экспедиций. Елена Дорофеева вместе с Владимиром Вячеславовичем и еще рядом участников экспедиции уехала на Байкал раньше, чтобы организовать к нашему приезду лагерь. Я и четверо моих однокурсников должны были добираться до места раскопок самостоятельно. Мы купили на Иркутском автовокзале билеты до поселка МРС (Сахюртэ), где нас должны были встретить. На один рейс автобуса всем билетов не досталось, поэтому мы отправились на Байкал двумя группами. Я с Игорем Чувашовым выехал 28 июня, а Витя Иванов вместе с Ирой Поскребко и Натальей Хильчинко отправились 29 июня.

Из Иркутска наш пазик вышел в 8:10 и почти весь день находился в пути. В то время асфальт на Качугском тракте заканчивался между Усть-Ордой и Баяндаем, поэтому дальше предстояло ехать по гравийке. В жаркий день это было особенно утомительно. Нос забивало пылью, а по лицу и спине стекал пот.

После сдачи летней сессии я начал вести дневник, где записывал свои впечатления о происходящих событиях. Поэтому, передавая свое восприятие тех дней, я время от времени буду обращаться к его страницам.

«В Баяндае была заправка. Этот поселок не оставил о себе приятных воспоминаний. В его центре в одном доме находились столовая, кулинария и дом быта, а так же, стоящий возле них киоск. Внутри столовой, правда, довольно прилично. Но пища отвратительная. В котлетах и пельменях не мясо, а тухлятина, компот тоже из каких-то залежавшихся сухофруктов. Но мне хотелось кушать, и поэтому я съел все...

Через 20 км от Баяндая довольно славный металлический знак, сообщающий о въезде в Ольхонский район. В лесу растут жарки, цветет шиповник.

Еланцы с двух сторон огорожены горами. В Баяндае шел дождик, а тут солнце палит во всю силу. Чистенький, славненький поселок. Улицы асфальтированы, на горах лес. Довольно приличный кинотеатр, универмаг и гостиница... Тут же села шумная толпа местных жителей, так что автобус оказался забит до отказа. ...По ходу автобуса пассажиров то там, то сям высаживали.

От Еланцов до Черноруда 40 км. Это село тоже стоит в горном распадке. Огороды соседей отделены не сплошным забором, а жердями... В гору автобус идет с трудом. И вот, наконец, открывается Куркутский залив. Сверху он смотрится изумительно. На наше счастье у пристани (в МРС – А. Х.) нас ожидала моторка. Славно нестись по Байкалу! Брызги в лицо, ветерок. Ольхон лежит чуть в стороне. Объезжаем мыс – и мы в Куркутском заливе. По берегам, кроме нас еще довольно много палаток, всякого рода любители».

Наш лагерь располагался на северозападном берегу Куркутского залива, рядом с археологическим памятником Куркут 1, состоящим преимущественно из шатровых конструкций. В предыдущем 1983 г. археологический отряд Владимира Вячеславовича уже предпринимал его раскопки. Тогда вместе с ним работали М. Зайцев, Б. Дашибалов, В. Саркисов, И. Ющенко, уже несколько сезонов принимавшие участие в археологических экспедициях.

К нашему приезду палатки уже стояли, был сколочен стол и лавки. В лагере был Владимир Вячеславович, его правая рука – Михаил Александрович Зайцев, тогда рабо-

тавший на подфаке университета, и Елена Юрьевна Дорофеева, уже имевшая опыт археологической работы. В МРС нас встречал Владимир Рачикович Саркисов, отвечавший за лодку и к тому времени уже преподававший в Братском индустриальном институте (рис. 1). Вместе с ним из Братска приехали трое студентов — два парня и девушка, но они так и не интегрировались в нашу компанию.

В первый же день мы отправились на раскоп и посмотрели шатровую кладку № 23, которую к тому времени на половину зачистили, чтобы сделать разрез конструкции. М.А. Зайцев готовил кандидатскую диссертацию по археологическим памятникам курумчинской культуры, в которой большое значение уделялось шатровым конструкциям, поэтому основные работы во время полевого сезона 1984 г. были направлены на исследование именно этих объектов.

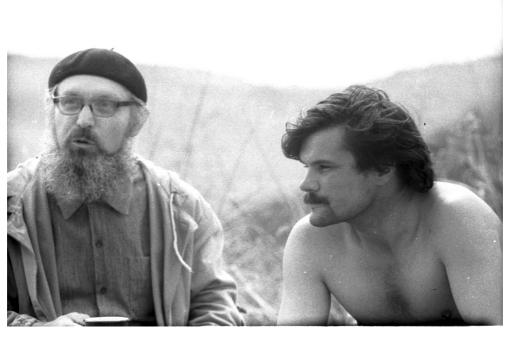
С вечера нам раздали тетрадки и сказали, что мы будем вести полевые дневники, в которых должны отражать все события прошедшего дня, связанные с процессом нашего обучения и раскопками археологических памятников. С этого времени мне пришлось вести два дневника. Один для себя, а другой для проверки нашими археологическими шефами. Азы археологиче-

ской науки нам давал М.А. Зайцев. По вечерам он собирал дневники и делал в них пометки.

Утром 29 июня началось наше обучение. Михаил Александрович достаточно подробно поведал о том, как надо начинать археологические раскопки и как происходит фиксация всех данных. Владимир Вячеславович рассказал о назначении шатровых сооружений. С его слов я понял, что: «...это религиозные сооружения, которые делались для того, чтобы обезопасить вновь родившихся детей. В горшок клали послед и обкладывали его камнями в виде шатра. Часто горшок разбивался, чтобы его душа не вредила людям». После обеда пошел дождь, и нас освободили от раскопок.

Отправляясь на Байкал, я надеялся в свободное время заниматься рыбалкой, поэтому прихватил с собой снасти. Обычно после обеда нас активно не привлекали к археологическим раскопкам, поэтому уже в первый день пребывания на Байкале мы с Игорем Чувашевым стали готовиться к рыбной ловле.

«Ходили искать червей. Удочки сделали, а на что ловить не знали. Червей мало. Кругом песок или крошка — самая непригодная для червей почва... За червями вначале пошли к бурятской ферме, стоящей в самом конце залива, но почва и тут плохая,

Puc. 1. В.В. Свинин и В.Р. Саркисов (справа), июль 1984 г. Fig. 1. V.V. Svinin and V.P. Sarkisov (right), July 1984

так что счастье нам не улыбнулось. Вся ферма состоит из одного жилого и одного нежилого дома, а также одного длинного барака, видимо, коровника. ... Сидеть в палатке просто так неохота. И я с рыболовной компанией решаю заняться делом. Руководствуясь тем, что дно возле нашего лагеря мелкое и крупная рыба к нему не подходит, решено было идти на ту сторону залива. Берега с другой стороны были круче, и поэтому казалось, что там глубоко... Ожидания, которые мы возлагали на противоположный берег, себя не оправдали. Дно там было такое же мелкое. Но решено было все-таки порыбачить. Выбрав небольшой заливчик, мы расположились у воды, и сразу начался клев. Правда, клевала одна мелочь сорожек, но даже это доставляло удовольствие. Потом поймал окуня, и после этого весь клев прекратился. Видимо, распугал он нам всю рыбу.

После прихода в лагерь было решено съездить за червями. Оказывается, единственное в этих местах червивое место в конце Мухорского залива... В конце залива (устье Кучелги – А. Х.) берег был пологий, поросший зеленой травкой. Вот тут мы и начали копать. Да, действительно, червей было достаточно. После того, как накопали кастрюлю, решили съездить за удилишками. Заплыв дальше, за Мухорский залив, мы причалили к берегу (залив Хужир-Нугэ - А. Х.). Он тоже был пологий с зеленой травкой. Ко всему этому, тут еще паслись коровы... Сегодня бесконечно льет дождь, правда небольшие перерывы между ним бывают. Вся одежда уже промокла насквозь. В кроссовках хлюпает вода, а согреться и обсушиться негде. Удилища вырубили и удовлетворенные отправились домой... После ужина поплыли на середину Куркутского залива, решив порыбачить. Но так ничего и не поймали.

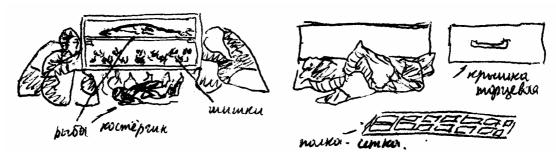
Днем соседи-туристы подарили нам щуку – нормальную, килограмм на пять. На вид она была мертвой, но на самом деле еще живая. Засунул я ей палец в рот, а она мне его чуть не откусила. Развели коптильню и решили её (щуку – А. Х.) закоптить. Часа через три, сидя в палатке, наслаждались нежнейшим мясом. Наша палатка бежит. Внизу лужи, поэтому пришлось просить надувные матрасы и на них уже класть спальники, чтобы не намокнуть».

К вечеру в лагерь добрались наши однокурсники В. Иванов, И. Поскребко и Н. Хильчинко. Стало веселей. Девчонки жили в отдельной палатке, куда мы время от времени наведывались в гости. Копченую щуку уже ели вместе. Сам процесс копчения произвел на меня сильное впечатление. До этого с подобным способом приготовления рыбы я не сталкивался, поэтому даже зарисовал конструкцию, в которой коптилась рыба (рис. 2).

«30 июня, суббота.

С утра не переставая льет дождь. Все мокрое. Из спальника вылезать неохота, но надо. Пошел проверять закидушку. Вчера поставил её на живца. Леса вначале вроде тянулась, а потом заупрямилась. Все старания не привели ни к чему. Пришлось раздеваться и лезть под дождем в воду. Оказывается, попался окунь и запутал леску вокруг камня. Вынес его вместе с закидушкой на берег, и уже тут он сам отцепился от крючка. В лагере я его бросил в соляной рассол и пошел в палатку спасаться от дождя.

Надоело валяться, решил с Игорьком сходить порыбачить. Сначала собрались идти на мыс Бурлюк, но когда подошли ближе, то увидели, что там и без нас народа

Puc. 2. Коптильня горячего копчения. Из дневника А.В. Харинского, 29 июня 1984 г. Fig. 2. Fumatory. From the diary of A.V. Kharinsky

полно. Пошли дальше по вьющейся между камней вдоль берега тропке. Увидев удобные бухточки останавливались и кидали удочки, но лишь в одном месте нам повезло, и мы поймали трех сорожек и одного окунька... Разочаровавшись в рыбалке, решили идти назад. Дождь то перестает, то вновь усиливается. Под вечер погода стала лучше. Поплыли на лодке порыбачить. Часа два простояли посредине залива, но так ничего и не клюнуло. На следующий день была такая же история. Рыба ушла из залива».

1 июля в воскресение М.А. Зайцев обучал нас работе с нивелиром и показывал, как устанавливать репер и определять его высоту. Я все подробно записывал в рабочий дневник, где Михаил Александрович сделал рисунки нивелира и описал процесс расчета высот (рис. 3). С этого времени я навсегда усвоил принципы работы с этим

инструментом и сам не раз объяснял студентам и школьникам особенности его устройства.

«2 июля, понедельник.

Сегодня погода ничего, правда, до обеда небо было закрыто облаками, но в обед выглянуло солнце. Сегодня дежурю по кухне. Народу понаехало кругом — просто жуть. Поехали с Володей за продуктами в МРС. Треть поселка занимает турбаза — двухэтажное здание и прилегающая к ней территория, огороженная заборчиком. Она вместе с холодильником, стоящим на берегу возле пристани, построена недавно. Сам поселок не очень большой. На заднем его плане стоит большая деревянная лодка. Говорят, что в ней ходили на веслах, а потом поставили мотор в 3 лошадиные силы. Сейчас же внутри нее уже растет трава.

Почта – это маленький домик с одной работающей. Только заходишь в дверь и

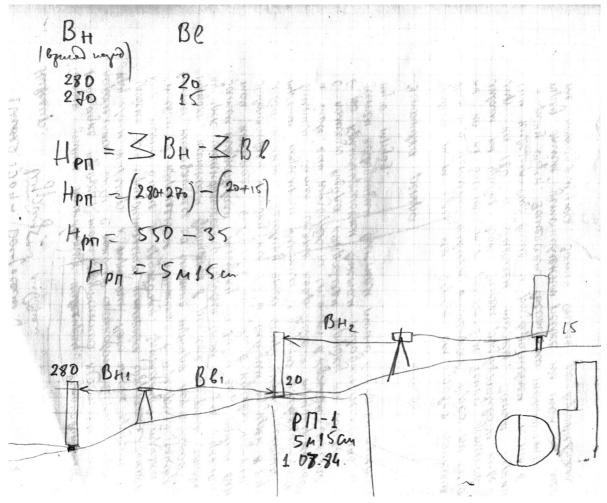

Рис. 3. Принципы работы с нивелиром. Рисунок М.А. Зайцева. Из дневника А.В. Харинского, 1 июля 1984 г.

Fig. 3. Principles of levelin . Figure made by M.A. Zaitsev. From the diary of A.V. Kharinsky, July 1, 1984

сразу же оказываешься у стойки, за которой сидит женщина. В поселке три рыболовецких бригады, имеющих три баркаса. Сезон короткий. Говорят, что уже через две недели он закончится, но за это время рыбаки сделали приличные деньги. В поселке два магазина — промтоварный и продовольственный, но хлеб бывает редко. Он привозной, да еще масса отдыхающих его постоянно скупает. В итоге нам хлеб не достался.

С лодки видел «курыканское» городище на мысе Шэбэтэ, огороженное каменной кладкой. Миша Зайцев считает, что это военное укрепление».

После обеда я вместе с однокурсниками заносил со слов М.А. Зайцева в рабочий дневник правила описания ритуальных и погребальных комплексов. А когда появилось свободное время, взялся перечерчивать в личный дневник очертания Куркутского залива и бухты Базарной. В.В. Свинин взял с собой копию Лоции байкальского побережья, составленную в начале века полковником Дриженко. Она и послужила основой для моих картографических работ.

Вечером устроили небольшую фотосессию. Вместе с Игорем Чувашовым искали наиболее интересные места и позировали перед Витей Ивановым, снимавшим нас (рис. 4). Когда начало темнеть собрались в палатке девчонок и стали играть в карты. Но ни тут то было. Зашел Владимир Вячеславович и стал рассказывать о своей юности и начале знакомства с А.П. Окладниковым и М.М. Герасимовым. Тогда нам это было не интересно, и мы стали по одному перебираться в свою палатку, где хотели продолжить карточную баталию. Через некоторое время у нас в палатке появился Владимир Вячеславович, и все повторилось вновь. Так и не удалось нам в этот вечер определить, кто же среди нас «дурак».

«3 июля. Вторник.

Хлеба нет, поэтому поплыли в Хужир за хлебом. От нас километров 50 хода или 1,5 часа... Деревни на Ольхоне небольшие, в пять-семь домов, и лишь Хужир имеет солидный вид. По Байкалу ходит только пассажирское судно «Комсомолец». Заходит оно и в Хужир, правда, к берегу не пристает, а посылает шлюпки. Из МРС в Хужир везут улов рыбы. Тут находится Маломорский рыбный завод. По пути мы обогнали один такой баркас, нагруженный рыбой. Навстречу нам также попалось судно, возящее горючее в Хужир...

Над поселком на холме возвышается красивая столовая, но далеко стоящая от домов и поэтому не часто посещаемая. Пристань рыбзаводская, вытянутая вдоль берега. Тут было пять судов, а также пришедший из МРС баркас. Разгружали омуля и поэтому помимо рабочих стояли женщины, ожидавшие подарков от рыбаков. Завод

Puc. 4. И.Ю. Чувашов и А.В. Харинский (справа), июль 1984 г. Fig. 4. I.Yu. Chuvashov and A.V. Kharinsky, July 1984

– небольшое длинное, одноэтажное здание с трубами от коптилен. Рыбу солят просто. Сбрасывают ее в чан с раствором, насыщенным солью, а затем вытаскивают, поэтому она долго не хранится. Лучше всего солить следующим образом (со слов В.Р. Саркисова – А. Х.). Не моя рыбу, потрошить её вместе с жабрами и класть в ведро слоями, пересыпая солью. Когда рыба даст рассол, посмотреть, чтобы она была им залита сверху. Если не хватает собственного рассола, долить его из другого ведра. Ведро должно быть эмалированным. Можно также солить в полиэтиленовом мешке или даже в трехлитровой банке, но тогда, чтобы рыба помещалась, её надо порезать кусочками. Завод в основном работает по переработке омуля. Когда кончается его лов, то приходится привозить рыбу с Тихого океана, чтобы задействовать рабочих.

В поселке несколько магазинов: продовольственный, промтоварный, хозтоварный, хлебный, обувной и книжный. Но книжный был закрыт. Продавец заболела, и поэтому работать было некому. Почта довольно солидная. Есть и аптека со стеклянными дверями. Школа деревянная, двухэтажная десятилетка. Есть также и интернат. В него свозят детей из соседних деревень, в том числе и с материка, с которым лишь зимой устанавливается постоянная связь, когда дети на выходные могут ездить домой.

В магазине хлеба не было, и мы пошли в пекарню. Здесь пропускная система, но наглость — второе счастье. Здание пекарни небольшое. В нем было две женщины в белых одеждах и одна, продававшая хлеб. Стоят небольшие чаны с замесами.

В продовольственном магазине лежал омуль, правда соленого была всего одна пара, а остальной копченый. Сметана довольно густая. Мы с Володей взяли парочку соленых омулей и на берегу их съели со свежим хлебом. Вкуснятина! Когда вышли из Хужира, то поднялся небольшой ветер. Лодку то и дело подбрасывало, а брызги летели в лицо. Говорят, что каждый раз во время обеда ветер начинает дуть со стороны Большого моря, с севера...

Сегодня плавали на надувных матрасах. Вода холодноватая, но купаться охота.

Отплываешь метров на тридцать от берега и лежишь, а тебя ветром сносит в конец залива... После обеда у нас отдых с двух до пяти часов. Большую часть времени загораем на матрасах у палаток».

Вечером проводили описание комплекса № 112. Его расчищали в предыдущие дни и надеялись, что под каменной кладкой будет захоронение, но удача нам не улыбнулась. Разобрав навал из камней, мы убедились, что под ним ничего нет. Рядом располагались еще две похожие конструкции – комплекс № 113 и 114, раскопки которых были намечены на следующий день. Возле кладок установили репер № 7 высотой 33,74 м от уровня воды в Байкале и разбиты раскопы.

На следующий день мы расчистили кладки № 113 и 114 и разобрали камни, которые напоминали искусственные конструкции. Под ними ничего не было обнаружено. Это были мои первые самостоятельные раскопки.

«Вечером поехали на рыбалку и за червями в Мухор. Здесь тоже масса туристов. Особенно много их на пологих берегах, поросших лесом. Палатки и машины стоят прямо между деревьями. Перед мысом Мандерхан стоит небольшая турбаза с одноэтажными деревянными домиками... Рыбачили в конце залива. Глубина здесь 1,5 м. Рыба начала клевать сразу, и клев был довольно приличный. Окунь здесь раза в полтора больше, чем в нашем заливе. Когда стало темнеть поехали домой».

5 июля я занимался чертежами. Сделал два разреза комплекса № 114, а затем пошел зарисовывать кладки № 95, 100–105, которые решено было вскрыть одним раскопом. На следующий день мы нивелировали комплексы, которые предстояло вскрыть. В лагерь приехали школьники под руководством И. Ющенко, так что теперь рабочих рук стало намного больше.

«8 июля, воскресение.

С утра поехали в Хужир на День рыбака. Моторного масла было мало, поэтому завернули в МРС... В Хужир пришли поздно. Праздник был в самом разгаре. Рыбзавод закрыт и лишь один сторож охранял его. В поселке как будто все вымерли. На улицах никого не было. Гуляние проходило

за поселком в лесу. Были сколочены небольшие прилавки, за которыми стояли продавцы. Машин около этого городка была уйма. Омуль продавали прямо ящиками в соленом или копченом виде. Пиво сюда привозят не часто, поэтому около машины, с которой его продавали, толпилась масса народа. Пиво было не первой свежести и поэтому походило на какой-то непонятный квас. Взяли себе омуля, жаренного на рожне. Правда, он не совсем зажарился. Но разбираться уже не хотели. Омуля насаживали на палку и ставили около костра. Соленого омуля взяли целый ящик - 35 кг. Омуль продается по 3,5 руб. за килограмм. Свежий омуль идет по 60 копеек за штуку. Тут же рыбакам вручали грамоты, поздравляли с трудовыми победами, а потом была художественная самодеятельность».

Наше пребывание на Байкале продлилось недолго. После некоторого отсутствия из Иркутска вернулся Владимир Вячеславович. Его новость нас обескуражила. Оказывается, мы должны были возвращаться в Иркутск и проходить археологическую практику на стадионе Локомотив. Владимир Вячеславович не оформил нашу группу как официальную студенческую практику под своим руководством на Байкале и мы теперь числились прогульщиками. Часть нашего курса проходила археологическую практику с О.И. Горюновой на берегу Мухорского залива, другая с Т.А. Абдуловым в Красноярском крае на Казачке и лишь те, кто никуда не захотел ехать, должны были работать на Локомотиве, определяя с помощью шурфовочных работ границы расположенного здесь неолитического могильника. Как нам не хотелось, но ехать пришлось.

За два дня до отъезда после обеда мы с пацанами пошли купаться в бухту Мандерхан, где вода была значительно теплей. По пути наткнулись на хорошо заметную на поверхности земли каменную надмогильную кладку. Сомнений не было — это настоящее захоронение. Гордые за свою находку, мы, вернувшись в лагерь, начали рассказывать о своем открытии. Раскапываемые уже в течение нескольких дней шатровые конструкции совершенно не оправдывали наших ожиданий. Отдельные

кусочки керамики, находившиеся под ними, не соответствовали представлениям об археологической удаче, поэтому открытие настоящей могилы могло коренным образом изменить ситуацию и наконец-то принести долгожданные артефакты. Отправившиеся посмотреть на нашу находку, Владимир Вячеславович и Михаил Александрович сообщили, что это старобурятское погребение и его надо раскапывать. Но довести дело до конца нашей группе так и не удалось. Я лишь успел зарисовать на миллиметровку кладку могилы до расчистки. Все остальные работы велись уже без нашего участия.

В Иркутске мы особенно никому не были нужны. Жить пришлось в общежитии на Сибирской, 40, в нашей комнате 515. Почти все студенты уже разъехались и мы на этаже оказались практически единственными. Денег не было и на многом приходилось экономить. Один день вместе со своими однокурсниками Олегом Жилкиным. Евгением Куцепаловым и Игорем Чувашовым я посвятил разгрузке вагонов на товарном дворе железной дороги. Несмотря на то, что мы активно работали и под конец дня совершенно вымотались, нам заплатили по три рубля. Единственной радостью было то, что за разгрузку вагона с вином, мужчина, сопровождавший груз из Одессы, выдал нам по бутылке «Лучистого». Этим же вечером мы все и выпили.

К концу месяца отряд В.В. Свинина вернулся с Байкала. Мы начали собираться в Монголию и наконец-то 29 июля выехали из Иркутска. Работы на берегу Куркутского залива стали поворотными в моей судьбе. Вместе со школьниками В.В. Свинин и М.А. Зайцев раскопали бурятское погребение начала XIX в. на берегу бухты Мандерхан и еще два подобных захоронения на берегу бухты Хагун. Именно эти материалы стали объектом моего изучения в течение следующих двух лет. С докладами по этой тематике я выступал на региональных студенческих конференциях в Иркутске (1984 г.) и Красноярске (1985 г.) (Харинский и др., 1985). И в последующие годы я продолжал сбор материалов по бурятским захоронениям, пытаясь более полно проанализировать полученные в 1984 г. данные

(Зайцев, Харинский, 1987; Зайцев и др., 1994; Зайцев и др., 1996).

Наш скоропалительный отъезд с Байкала и отсутствие достаточного финансирования В.В. Свинин объяснял тем, что у его отряда отсутствовал открытый лист. Как выяснилось позднее, открытый лист 1979 г. на разведку в Ольхонском районе и, прежде всего, на работы по Куркуту 1 был взят на В.Р. Саркисова, а лист на раскопки Куркута 1 в 1983 г. брали уже на И.И. Ющенко. Отчеты по открытым листам сделаны не были. Почему ни Владимир Вячеславович, также имевший задолженности по листу, ни кто-то другой из его группы не подготовили отчет по полевым работам, для меня до сих пор остается загадкой. Но, будучи на втором курсе, я еще не задумывался по этому поводу, ведь главное заключалось в том, чтобы на следующий год мы смогли работать на Байкале. В течение учебного года я разбирал материалы и готовил отчет, который должен был отправиться в полевой комитет Института археологии под именем И.И. Ющенко. К лету отчет был готов и отправлен в Москву (Ющенко, 1985). Так же был подготовлен и отчет В.Р. Саркисова. Владимир Вячеславович забрал его себе, для того чтобы доработать, но так ничего и не сделал. Отчет не был отправлен.

Работа над полевой документацией, способствовала моему более глубокому погружению в прибайкальскую археологиче-

скую проблематику. И если первые тезисы, посвященные работе на Куркуте 1, были написаны Владимиром Вячеславовичем (Зайцев и др., 1986), то статью по шатровым комплексам Куркута я уже готовил самостоятельно (Зайцев и др., 1996). В отчет И.И. Ющенко не были включены материалы по плиточной могиле с Куркута 4, котораскопана отрядом также была В.В. Свинина в июле 1984 г. К сожалению, во время раскопок не была должным образом сделана вся полевая документация, что, наверняка, вызвало бы замечания полевого комитета. И хотя материалы могилы не вошли в отчет, они в дальнейшем стали основой статьи, которая была посвящена плиточным могилам Приольхонья (Харинский и др., 1995).

С Владимиром Вячеславичом я еще не раз отправлялся в экспедиции, слушал его рассказы, обращался к нему за консультациями. Всегда он был открыт, доброжелателен и готов прийти на помощь. Иногда эта филантропия шла во вред самому шефу, но он как будто этого не замечал и был готов помогать всем, кто обращался к нему за советом. Некоторые поступки В.В. Свинина, на мой взгляд, не имели рационального объяснения. Но все это было ерундой по сравнению с той добротой и сердечностью, которую он дарил окружающим.

Статья поступила 10.03.2016 г.

Библиографический список

Зайцев М.А., Харинский А.В. Западноевропейские счетные жетоны в старобурятских погребениях // Пятая конференция молодых ученых вузов Иркутской области. Иркутск, 1987. Ч. 3. С. 91.

Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. С. 233–250.

Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В. Шатровые сооружения западного берега залива Куркут // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. С. 67–76.

Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В., Ющенко И.И. Археологические исследования ритуальных комплексов железного века на северо-западном побережье Байкала // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и задачи). Иркутск, 1986. С.123–126.

Зайцев М.А., Харинский А.В., Свинин В.В. Новые археологические данные по культуре приольхонских бурят // Освоение северной Пасифики. Владивосток, 1996. С. 229–248.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культура и памятники бронзового и ран-

него железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 64–78.

Харинский А.В., Иванов В.Н., Чувашов И.Ю. Древнебурятское погребение в бухте Мандерхай (Ольхон) // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985. С.74–75.

Ющенко И.И. Полевые исследования на Среднем Байкале летом 1983 г. // Архив Института археологии Российской Академии Наук (ИА РАН). Р.1, № (Иркутск, 1985).

References

Zaitsev M.A., Kharinskii A.V. Zapadno-evropeiskie schetnye zhetony v staroburyat-skikh pogrebeniyakh [Western Europeans counting chips in Old Buryat graves]. V konferentsiya molodykh uchenykh vuzov Irkutskoi oblasti [Vth Conference of Young Scientists of Universities of Irkutskaya Oblast']. Irkutsk, 1987. Part 3. P. 91.

Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinskii A.V. *Staroburyatskie pogrebeniya iz bukhty Khagun* [Old Buryat graves in Hagun Bay]. *Etnokul'turnye protsessy v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v I–II tysyacheletii n. e.* [Ethno-cultural processes in the Southern Siberia and Central Asia in I–II millennia AC]. Kemerovo, 1994. PP. 233–250.

Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinskii A.V. *Shatrovye sooruzheniya zapadnogo berega zaliva Kurkut* [Marquee-shaped complexes from western coast of Kurkut Bay]. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie* [Archaeological heritage of the Baikalian Siberia: study, preservation and usage]. Irkutsk, 1996. Pp. 67–76.

Zaitsev M.A., Svinin V.V., Kharinskii A.V., Yushchenko I.I. Arkheologicheskie issledovaniya ritual'nykh kompleksov zheleznogo veka na severo-zapadnom poberezh'e Baikala [Archaeological researches of ritual complexes of the Iron Age on northwestern coast of Lake Baikal]. Arkheologicheskie i etnograficheskie issledo-

vaniya v Vostochnoi Sibiri (itogi i zadachi) [Archeological and ethnographic researches in the Eastern Siberia (results and tasks)]. Irkutsk, 1986. Pp.123–126.

Zaitsev M.A., Kharinskii A.V., Svinin V.V. *Novye arkheologicheskie dannye po kul'ture priol'khonskikh buryat* [New archaeological data on the culture of Olkhon Buryats]. *Osvoenie severnoi Pasifiki* [Exploitation of the Northern Pacifika]. Vladivostok, 1996. Pp. 229–248.

Kharinskii A.V., Zaitsev M.A., Svinin V.V. *Plitochnye mogily Priol'khon'ya* [Slab graves of the Olkhon Area]. *Kul'tura i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii* [Culture and sites of the Bronze and Early Iron Ages of the Transbaikalia and Mongolia]. Ulan-Ude, 1995. Pp. 64–78.

Kharinskii A.V., Ivanov V.N., Chuvashov I.Yu. *Drevneburyatskoe pogrebenie v bukhte Manderkhai (Ol'khon)* [Old Buryat grave in Manderkhai Bay (Olkhon Area)]. *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archaeology of the Siberia and Far East]. Irkutsk, 1985. Pp.74–75.

Yushchenko I.I. *Polevye issledovaniya na Srednem Baikale letom 1983 g.* [Field Researches on Middle Baikal in summer, 1983]. Arkhiv IA RAN. R.1, no (Irkutsk, 1985). [Archive of Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science (IA RAS)].

Сведения об авторе

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinsky Artur Victorovich, doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, e-mail: kharinsky@mail.ru